

«ПЕРСИДСКИЙ БАСТИОН»: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-170-177

Персидский бастион / под ред. Ю.Лямина и Р.Пухова. – М: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. 319 с.

Исламская Республика Иран (ИРИ) играет ключевую роль в различных международно-политических конфигурациях на Ближнем Востоке, без ее участия не обходятся наиболее серьезные региональные конфликты. Уже более сорока лет продолжается противостояние ИРИ с Соединенными Штатами, апофеозом которого стал выход США из ядерной сделки 2015 г. В последние годы особое внимание экспертов привлекает соперничество ИРИ с Королевством Саудовской Аравии (КСА), наиболее ярко проявившееся в контексте йеменского конфликта. Иранское руководство периодически обменивается угрозами с Израилем, пытается внести разлад в союзнические отношения стран Залива, активно участвует в тех событиях, которые происходят в близлежащих странах – Сирии, Ираке, Афганистане и Ливане.

Как один из крупнейших нефтепроизводителей Иран подвергается мощному и разнообразному давлению извне, устоять перед которым бывает нелегко. Против Тегерана действуют различного рода санкции. Однако при этом власти ИРИ достаточно быстро нейтрализовали в своей стране отголоски «арабской весны» 2011 г., развернули производственные мощности ядерной энергетики, а также предпринимают немалые усилия по укреплению своих вооруженных сил, включая производство собственной военной, в т. ч. ракетной, техники. В условиях жесткого внешнего давления ИРИ превращается в своего рода бастион. Насколько этот «персидский бастион» дееспособен? Очевидно, именно таким вопросом задались авторы книги *«Персидский бастион»*, выпущенной Центром анализа стратегий и технологий при поддержке Рособоронэкспорта.

Обращение к истории Персидского государства в первой главе выглядит логичным. Перипетии взаимоотношений любой страны с ее соседями лежат именно в исторической плоскости, а миграции, не говоря уже о завоевательных походах и вторжениях извне, оказывают глубокое социокультурное влияние на развитие страны и ее народа и на его разноплановые отношения со всеми окружающими регионами, народами и государствами.

На территории нынешнего Ирана находился очаг одной из древнейших цивилизаций. Первое государство, Элам, просуществовало почти 2500 лет, пока не пало под ударами Ассирийского царства в середине VII в. до н. э. Затем, в VI в. до н. э., ираноязычные племена создали в регионе Державу Ахеменидов («Арийскую Империю»). Правители этой династии, наиболее ярким из которых был Кир II, подчинили себе обширные территории и создали мощную армию. Попытки Дария I и его сына Ксеркса подчинить Грецию закончились неудачей, что не только остановило персидскую экспансию на западном направлении, но и лишило империю статуса главной сверхдержавы того времени (с. 15). После державы Ахеменидов региональным центром силы стало Парфянское царство, которое

столкнулось уже с Римской империей. После первоначальных успехов Парфии римлянам удалось быстро вернуть утраченные территории, а сама Парфия впоследствии утратила былую мощь. Ей пришлось на смену Государство Сасанидов (Эраншахр), наибольшее расширение границ которого произошло при шахиншахе Хосрове II. Однако длившаяся четверть века война с Византией (602–628 годы) истощила человеческие и материальные ресурсы державы, что предопределило ее падение под натиском новых захватчиков.

Завоевание иранской территории Арабским Халифатом, с одной стороны, запустило процесс исламизации иранского общества и элиты, а с другой стороны, отнюдь не привело к политической и культурной ассимиляции Ирана. С приходом к власти династии Саманидов де-факто Персидское государство опять стало набирать силу, при этом со временем его политический центр сместился в Среднюю Азию. Именно на X век пришелся расцвет персидской науки, культуры, появление наиболее ярких ее представителей – поэта Фирдоуси, астронома и математика Аль-Бируни, врача и философа Ибн Сины и др. После длительной борьбы с тюрками территории с ираноязычным населением в начале XIII в. были завоеваны монгольской армией во главе с Чингисханом. Как отмечают авторы книги, период монгольской оккупации стал для Ирана временем разорения, рабства и упущенных возможностей для развития (с. 23).

Очередная централизация государства имела место в XV–XVI веках при династии Сефевидов, при которой шиизм стал государственной религией. Шах Аббас I занял Багдад, а также частично Курдистан, Грузию, Азербайджан. Эффективность сельского хозяйства позволяла содержать значительные вооруженные силы и мощный чиновничий аппарат, тогда как технологический разрыв с передовыми странами Запада только нарастал. Именно в этом авторы усмотрели основную причину поражения Персии в двух войнах с Россией (в 1804–1813 и 1826–1828 годах) и ее последующую фактическую колонизацию Великобританией.

На рубеж XIX–XX веков пришлось первая попытка модернизации страны, открытие нефтяных месторождений, раздача концессий и создание Англо-Персидской нефтяной компании. В 1907 г. было достигнуто англо-русское соглашение, по которому северная часть Персии отходила в сферу российского, а южная – британского влияния. Нефтяные доходы позволили провозглашенному в 1925 г. шахом Реза Пехлеви начать модернизацию на базе концепций государственного капитализма, импортозамещающей индустриализации и протекционизма. Начали работу Национальный банк и Трансиранская железная дорога, было проложено 25000 км шоссейных дорог, делались первые шаги к достижению равноправия женщин с мужчинами. С началом Второй мировой войны Реза Пехлеви занял выжидательную позицию, но, опасаясь усиления германской активности в Иране, Россия и Великобритания приняли превентивные меры, осуществив военное вторжение с севера и юга, соответственно.

Авторы достаточно подробно рассматривают послевоенную политику Ирана, попытки национализации нефтяной отрасли, роль в этом процессе премьер-министра М. Мосаддыка и свержение его правительства с помощью США, с того времени ставших главным покровителем Ирана и его союзником на Ближнем Востоке (с. 33–35).

Авторы уделили особое внимание анализу успехов и просчетов шахской «белой революции», или политики модернизации сверху, проводившейся с 1962 г. Шах, казалось бы, сделал немало: начал частичную передачу земли крестьянам, поощрял становление крестьянских кооперативов, инициировал борьбу с

неграмотностью, введя всеобщее бесплатное образование, создал систему общественного здравоохранения. При нем появился ряд новых отраслей: автомобилестроение, нефтехимия, радиоэлектроника, производство бытовой техники. Совместно с французами началось строительство ядерного центра в Исфахане. Вместе с тем далеко не все были довольны земельной реформой, разорившиеся крестьяне хлынули в города, а в политической сфере установилась коррумпированная однопартийная система. Особое недовольство духовенства вызвала не только вестернизация страны, но и, в первую очередь, курс на сакрализацию светской власти, противоречившей основным постулатам шиизма.

Один из разделов книги посвящен исламизации и роли ислама в иранском обществе. Ислам пришел на территорию современного Ирана вместе с Арабским Халифатом не одномоментно и не мирно. Народ не спешил принимать его, ибо это не давало полного уравнивания в правах с пришлыми арабами (с. 42). Исламизация происходила постепенно, по мере иранизации арабов и принятия ими местных обычаев. В ходе этого процесса арабы много позаимствовали у персов в плане организации системы административного управления, налогообложения, градостроительства, дворцового этикета. Пришлые династии несли ислам суннитского толка, тогда как недовольные их правлением крестьянские массы пополняли ряды шиитских течений и сект. Тогда же появилось такое явление, как благоразумное скрывание собственной веры («*такия*»). Самоидентификация Ирана как шиитского государства имела место в XVI в., когда шах Исмаил I объявил себя наместником скрытого имама Махди на земле. Шиизм фактически стал государствообразующей религией, тогда как приверженцы других направлений в исламе стали подвергаться таким гонениям, которым не подвергались даже христиане и иудеи. Предпринятая в XVIII в. Надир-Шахом попытка уравнивать в правах исламские конфессии не увенчалась успехом, а с приходом к власти в 1763 г. Мухаммада Керим-хана шиизм был окончательно утвержден в качестве государственной религии.

По мнению авторов книги, одним из стратегических просчетов шахского правительства стало то, что, обратившись к наследию великой иранской цивилизации (идентифицируя подданных, прежде всего, как иранцев, а потом уже как мусульман) и проводя курс на секуляризацию, оно урезало влияние *улемов* (знатоков ислама), которые, к тому же, лишались и привилегий, и земельных владений (с. 45). Это стало одной из причин перерастания антишахской революции в исламскую в 1978–1981 годах.

Рассматривая вопрос о социальной роли шиизма, авторы подчеркивают, что в число ключевых лозунгов основоположника шиизма Али и его сторонников входили социальная справедливость и равенство. Неудивительно, что в Иране, Турции и арабских странах восстания нередко проходили именно под флагами шиизма. Проповедуемая лидером Исламской революции Хомейни идея «*велаят-е-факих*» («государства просвещенных») соединяла шиитские традиции с актуальными западными теориями. При этом Хомейни объявил нелегитимной монархию с принципом наследования, отстаивая принципы выборности и верховенства права как соответствующие законам шариата и соединяя принципы шиитской общины с элементами республиканской системы (с. 50). В его интерпретации страну должен был возглавлять духовный лидер – *рахбар*, ведущий род от пророка Мухаммеда. Однако, взяв на себя роль покровителя шиитов всего мира, Иран столкнулся с противодействием со стороны ряда других стран, включая Саудовскую Аравию.

Исламская революция привела к клерикализации социальной жизни страны. На государственном уровне стали отмечаться религиозные праздники, было

введено раздельное образование, мужчины сняли галстуки, а женщины надели хиджабы. Среди экономических мер фигурировали религиозный налог и запрет на банковский процент. Сегодня Иран, столкнувшись с сопротивлением соседних стран, стал акцентировать внимание, скорее, на исламской общности, чем на безусловной поддержке единоверцев (с. 53). В стране нет запрета на деятельность иных монотеистических конфессий (суннизма в исламе, зороастризма, христианства, иудаизма), но при этом строго запрещены переход из ислама в другие конфессии и ведение миссионерской деятельности.

Специальный раздел работы отведен анализу государственного устройства ИРИ. Подытоживая деятельность политико-административной системы Ирана, авторы делают интересный вывод. Для иранских элит характерна медленная ротация из-за того, что особым авторитетом в системе пользуются кадры, внесшие личный вклад в дело исламской революции, представители клерикальных слоев и родственники «национальных героев» (с. 75).

В течение последнего столетия добыча углеводородного сырья составляла основу экономики ИРИ. Влияние нефтяных цен на динамику экономического роста зачастую было определяющим и перекрывало воздействие прочих факторов. Благодаря этому экономика Ирана продолжала расти в первые годы Исламской революции, даже несмотря на американские санкции и войну с Ираком (с. 77). Сорок лет санкций и большая роль госрегулирования (*товхид*) наложили свой отпечаток на экономику страны. Как указывают авторы, в условиях совокупного воздействия факторов нефтяной зависимости и санкций Иран не имеет возможности привлекать средства извне под умеренные проценты, что, в конечном счете, оборачивается хронической инфляцией (с. 80). Внедренные в экономику исламские принципы напоминают принципы утопического социализма. Иранская модель регулируемой государственной экономики носит автаркический характер, отличаясь гипертрофированным развитием госсектора, национализацией всех ключевых отраслей – энергетики, транспорта, ирригации, горнодобывающей промышленности, банковского сектора и внешней торговли. Положительной стороной такой модели можно считать наличие развитой системы социальной защиты с перераспределением средств на основе социальной справедливости. Кроме того, ограничение возможностей привлекать внешние заимствования обуславливает малый объем внешнего долга (с. 85). Что касается санкций, то они лишают Иран доступа к новым технологиям, в т. ч. нефте- и газодобычи.

Значительное место в книге отведено оценке эффективности вооруженных сил Ирана. В первой половине XX в. рост численности иранской армии опережал возможности по подготовке личного состава, а структурная организация армии, в большей степени соответствовала задачам подавления внутренних угроз (с. 97). Боеспособность такой армии не выдержала практической проверки в 1941 г., когда советские и британские войска практически без сопротивления заняли Иран. После войны шах Мохаммед Реза Пехлеви, для которого иметь сильную армию было делом престижа, создал наиболее боеспособные вооруженные силы на Ближнем Востоке, закупив для них самую современную, в основном американскую, военную технику. Моральный дух шахской армии оказался, однако, не на высоте после начала революционных событий, когда эта армия стала разваливаться, а дезертирство приобрело массовый характер. Хотя новое клерикальное руководство не стало распускать армию и полицию, оттуда произошел значительный отток кадров, чему в немалой степени способствовали опасения новых властей относительно лояльности части военных (с. 100). В этих условиях победившим клерикалам нужна была еще одна вооруженная опора, которая

сочетала бы в себе силовые и идеологические функции. Ею стал Корпус стражей исламской революции (КСИР), который в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 годов превратился в полноценные регулярные войска. В ходе боевых действий иранская армия оформилась организационно, хотя и испытывала болезненные проблемы в связи с разрывом военных связей с США.

КСИР имеет свои сухопутные войска, состоящие из провинциальных командований, дивизий и бригад. Их отличительной особенностью является наделение большими полномочиями командиров на местах и хорошее оснащение спецтехникой – приборами ночного видения, тепловизионными прицелами и РЛС наземной разведки, что говорит о специфике выполняемых задач. Застарелой проблемой КСИР остается слабое оснащение средствами индивидуальной бронезащиты. Зато в состав КСИР входит главная ударная сила Ирана – аэрокосмические силы, включая самые мощные ракеты класса «Хорремшехр» дальностью до 2000 км. Решением верховного лидера Ирана дальность ракет «Хорремшехр» пока ограничена этим показателем, в то время как акцент делается на повышении их точности, мобильности и защищенности (с. 128).

В разделе «Военно-промышленный потенциал Ирана» анализируется развитие военного производства страны. У его истоков стояли Германия, построившая первый пороховой завод в 1933 г. и патронный завод в 1940 г., СССР, специализировавшийся на производстве стрелкового вооружения, и Великобритания, построившая авиазавод. Реальный толчок военное производство получило при Мохаммеде Реза Пехлеви, когда была создана Организация военной промышленности. СССР помог создать артиллерийские системы, а Израиль – наладить совместное производство ракет класса «земля-воздух». До конца правления шаха Иран был очень зависим от поставок комплектующих из-за границы и от помощи иностранных специалистов, а после Исламской революции эта зависимость усугубилась. Российские производители вернулись в Иран в 1991 г., построив танковый завод в Доруде и сборочную линию БМП-2. В целом наложенные на Иран санкции мешали развитию военного производства, хотя и не смогли остановить его.

Сегодня иранский оборонный комплекс включает в себя предприятия оборонной, авиационной, морской, электронной и аэрокосмической промышленности. Наряду с собственным и лицензионным производством, Иран не чурается копировать некоторые американские образцы военной техники (с. 146). Военно-авиационная промышленность в основном занята поддержанием в строю имеющегося авиапарка, хотя есть проект реактивного истребителя «Косар» на базе американского «F-5F». Аэрокосмическая промышленность Ирана развивалась благодаря сотрудничеству с КНР и КНДР. Китай оказал существенную помощь Ирану в ходе его войны с Ираком, а затем и в послевоенный период. Действующие с 2000 г. санкции ООН сильно осложнили международное сотрудничество, но Иран по инерции продолжал самостоятельно развивать и совершенствовать ракетную отрасль, часто копируя китайские и американские образцы и делая акцент на повышении мобильности, точности и защищенности ракетных комплексов. В целом, авторы полагают, что, хотя иранская военная промышленность шагнула далеко вперед, она еще сильно отстает от ведущих промышленных держав в таких областях, как производство самолетов, вертолетов и тяжелой бронетехники (с. 171).

Иранская ядерная программа является одной из центральных проблем нынешнего ближневосточного кризиса. Шахское правительство четко обосновывало свои потребности в создававшейся с помощью западных стран

ядерной энергетике: оно хотело избавиться от зависимости от нефти (в планах было покрыть до 40% потребностей страны в электричестве за счет АЭС). Тогда у Тегерана, располагавшего сильнейшими в регионе вооруженными силами, потребности в создании ядерного оружия не было. С победой клерикалов ситуация изменилась: превратив страну в полуавтаркию, они при этом продолжали развивать ядерную энергетiku. Это давало основания заподозрить их в намерении заполучить ядерное оружие, учитывая иранское стремление совершенствовать ракетные технологии. За последние десятилетия Иран продвинулся в реализации ядерной стратегии, и обретение им необходимых технологий, если еще и не произошло, представляется делом времени (с. 180).

Достижение в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе дало некоторую надежду на стабилизацию ситуации. Проверки иранских ядерных объектов показали, что Иран выполнял условия соглашения, тогда как западные страны не спешили с предусмотренным снятием санкций. Решение Д.Трампа о выходе США из СВПД, озвученное в мае 2018 г., сопровождалось выдвижением таких условий для возвращения Вашингтона к переговорам, как полный отказ Тегерана от обогащения урана и вывод иранских войск из Сирии. По мнению авторов, в сложившейся ситуации иранское руководство предпочло сделать паузу и «переждать» президентство Д.Трампа (с. 191), хотя, ждть, возможно, придется еще более четырех лет.

В монографии также анализируется потенциал и компетентности Ирана в сфере кибербезопасности. Из-за противостояния с США страна стала одной из главных мишеней кибератак, которые нацелены на иранские высокотехнологичные отрасли, объекты добывающей промышленности, энергетический, финансовый и телекоммуникационный секторы (с. 196). В свою очередь, Ирану удалось создать довольно эффективную систему противодействия внешним киберугрозам. С 2008 г. идет формирования специализированных ведомств по борьбе с киберугрозами, а в 2012 г. был создан Верховный совет по киберпространству, координирующий национальную политику в данной сфере. В стране действует киберполиция, создан Центр национальной кибербезопасности. Объектами операций иранских спецслужб в сфере информационного контроля внутри страны являются оппозиционные партии, диссиденты, неправительственные организации. Более того, согласно некоторым американским оценкам, атакам с иранской стороны могут подвергаться объекты военного управления, инфраструктуры и логистики вооруженных сил США.

Следующий раздел монографии посвящен участию Ирана в вооруженных конфликтах. Присутствие в Сирии стало для Ирана способом вырваться из изоляции; более того, с началом «арабской весны» один из видных политиков Ирана заявил, что «потеря Сирии может стать потерей и Тегерана» (с. 209). Для операций в этой стране сразу же были задействованы силы специального назначения КСИР – «Кудс», или «Кодс». Иранцы максимально использовали Сирию как полигон для обкатки своих новых вооружений (беспилотных летательных аппаратов и ракет) в боевых условиях. Специалисты считают, что проникновение Ирана в Сирию и укрепление его позиций в этой стране являются долговременным фактором. Иранское руководство – одно из немногих, кто заявил о своем стремлении участвовать в восстановлении мирной жизни в стране (с. 215).

Как отмечается в книге, немалую угрозу Ирану представляла террористическая организация «Исламское государство» (ИГИЛ), изначально проявлявшая враждебность и нетерпимость по отношению к шиитам и обосновавшаяся, прежде всего, в соседнем Ираке. Иран сыграл огромную роль в

формировании сил народного ополчения в Ираке, оказал значительную помощь отрядам курдского ополчения *пешмерга*, но при этом помог центральному правительству в Багдаде пресечь сепаратистские устремления курдской автономии, тем самым укрепив свое влияние в соседней стране.

Особую роль для Ирана играют его взаимоотношения с ливанским шиитским движением «Хизболла» (Партия Аллаха), которое характеризуется как наиболее эффективный и ценный иранский зарубежный актив (с. 248). Снятие части западных санкций после заключения СВПД позволило Ирану увеличить финансирование «Хизболлы» (с. 244), что, возможно, стал одной из причин выхода США из обозначенной сделки.

Иран играет заметную роль и в йеменском конфликте. Прямое вторжение Саудовской Аравии в Йемен в 2015 г. побудило иранское руководство перейти от эпизодических контактов и вялой финансовой помощи к более активной поддержке повстанцев хуситов (с. 254). Это вызвало резкое недовольство не только Эр-Рияда, но и Вашингтона, тем более что хуситы стали наносить чувствительные удары по саудовской территории. Факт наличия у йеменских повстанцев ракет с дальностью 950 км стал наиболее очевидным свидетельством военной помощи им со стороны Ирана (с. 258). Возможно, такого рода помощь, повысившая боевые возможности хуситов, привела к тому, что Саудовская Аравия в 2019 г. пошла на прекращение огня в ряде районов Йемена.

В работе рассматривается и ряд внутренних для Ирана конфликтов. В частности, речь идет о неблагоприятной обстановке в приграничных с Афганистаном районах, населенных ведущими кочевой и полукочевой образ жизни суннитами–белуджами. Многие жители этих районов занимаются контрабандой; среди них сильны сепаратистские настроения и активны радикальные группировки, в поддержку которых Иран обвиняет Саудовскую Аравию. Еще одним беспокойным районом является иранский Курдистан, где центральное правительство даже после ликвидации лидеров Демократической партии иранского Курдистана (ДПИК) не смогло стабилизировать ситуацию и продолжает проводить войсковые операции. Напряженной остается и ситуация в Хузестане, где преобладает арабское население и находятся основные иранские месторождения нефти. После завершения ирано-иракской войны активность сепаратистских сил в Хузестане на время затихла, возобновившись после того, как «Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза» перешло к террористической деятельности. В результате военных операций руководители организации были арестованы и казнены, но потерявшее силу движение не исчезло, напоминая о себе периодическими вспышками активности.

Заключительный раздел книги посвящен российско-иранским отношениям. Анализ семи российско-персидских войн начиная с середины XVII в. позволил авторам сделать вывод о том, что войны и военные походы предпринимались той или иной стороной в тех случаях, когда ослабевало военно-политическое присутствие противоположной стороны и возникали угрозы собственным экономическим интересам (с. 261). На современном этапе, с конца 1990-х годов наметилась тенденция улучшения двусторонних отношений, включая взаимодействие в разрешении карабахского и таджикского конфликтов, восстановление военно-технических связей и т. п. Во втором десятилетии XXI в. стороны конструктивно взаимодействовали в вопросах сирийского регулирования, раздела каспийского шельфа и в других сферах.

В целом, монография представляет собой солидную и интересную работу, которая отличается как широким проблемным охватом, так и наличием

разнообразного фактического материала. Книга может представлять интерес для экспертов, занимающихся вопросами ближневосточной политики, международных отношений и конфликтологии. К определенным недостаткам работы можно отнести нечеткое хронологическое разграничение проблем, связанных с внутренней историей страны, исламизацией, российско-иранскими отношениями. Это, впрочем, никак не умаляет значения труда. Сожаление вызывает лишь тот факт, что на данный момент книгу нельзя найти в свободной продаже, а следовательно, доступ к ней для широкого читателя затруднен.

Александр Фролов^{*}

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО РАН)

^{*} Фролов Александр Владимирович – ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, д.полит.н.

Aleksander Frolov is a lead researcher at Peace and Conflict Studies Unit, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow.